

ИНТЕРВЬЮ

Петр Щедровицкий — Дмитрий Мацнев

От онтологии Космоса к онтологии деятельности

*В августе 2010 г. Президент фонда Георгия Петровича Щедровицкого **Петр Щедровицкий** любезно согласился дать интервью Альманаху «Русский мир и Латвия». Два вопроса стали предметом беседы: издательская деятельность фонда Георгия Петровича Щедровицкого и категория онтологии в понимании учеников российского мыслителя XX века Г.П. Щедровицкого, создавшего оригинальную философскую систему, получившую название СМД (системо-мыследеятельностная методология).*

*Беседу ведет Председатель попечительского совета Гуманитарного семинара **Дмитрий Мацнев**. В ней также участвует организатор Гуманитарного семинара **Сергей Мазур**.*

Дмитрий Мацнев: Какие издательские программы ведет фонд Георгия Петровича Щедровицкого — как свои собственные, так и совместные с Институтом философии Академии наук Российской?

Петр Щедровицкий: Что касается издательских программ, то самая ключевая программа последних двух лет — это совместная с Институтом философии и издательством РОССПЭН (Российская политическая энциклопедия) публикация серии книг под общим названием «Русская философия второй половины XX века». Мы задумали этот проект несколько лет тому назад. Основные трудности вызывал не столько сбор материала, сколько общая линия редакторской работы. Нам удалось уговорить Владислава Александровича Лекторского, главного редактора журнала «Вопросы философии», чтобы он взял на себя этот тяжелый труд по общей редакции и формированию тех коллективов, которые готовили отдельные тома. И сейчас можно уже глядя назад, сказать, что за прошедшие два года нам удалось то, во что почти никто не верил: мы подготовили и издали 21 том, из которых 20 томов — это тома, посвященные отдельным фигурам российской философии второй половины XX века, а один том содержит в себе общее описание атмосферы, ситуации, в которой им приходилось работать в послевоенный период. Эти тома не содержат в себе текстов этих авторов. Эти тома представляют собой развернутую творческую биографию, справочный аппарат, включая архивы этих

мыслителей, библиографию работ, написанных о них как отечественными, так и зарубежными исследователями или учениками. Они включают в себя фотографический материал, и каждая книга содержит серию статей, посвященных основным направлениям творчества этих мыслителей. В силу того, что мы вели эту работу, опираясь на живых последователей, на семейные архивы, то я считаю, что нам удалось собрать достаточно полный материал, включая конкретные воспоминания людей, которые имели возможность общаться непосредственно с этими мыслителями в период их активного творчества. Я очень рад, что этот проект стартовал именно сейчас, потому что это позволило нам собрать уникальный материал. И боюсь, что если бы мы предприняли эту работу чуть позже, то этой необходимой полноты аутентичных свидетельств о жизни и творчестве этих людей уже собрать бы не удалось в силу чисто физических причин, связанных с уходом из жизни тех людей и свидетелей их работы. В основном эти сборники были посвящены тем людям, которые начали свою работу после Второй мировой войны и смерти Сталина, хотя есть определенные исключения, потому что в этот перечень попали такие авторы, как Лосев, который начал работать гораздо раньше, но в силу ряда причин его работы 30-х годов появились в послесталинский период. И таких авторов, как Рубинштейн или Асмус, которые тоже начинали чуть раньше, мы позволили себе включить в перечень тех мыслителей, которые в основном работали в 60-е годы. Благодаря помощи издательства РОССПЭН, кото-

рое выступило соорганизатором этого проекта, мы получили возможность в едином формате и в единой стилистике опубликовать весь этот набор материалов. К спонсорской поддержке, помимо фонда Георгия Петровича Щедровицкого, подключился также и сам РОССПЭН, который частично финансировал издательскую часть проекта, удалось также подключить РГМФ и несколько конкретных коммерческих компаний и людей, которые взяли на себя спонсорскую поддержку отдельных томов. Авторами текстов были ученики, свидетели или исследователи творчества философов. Например, том по Бахтину на существенную долю скомпонован его западными исследователями. На самом деле многое зависело от того, какова была судьба, наследие этих мыслителей. Потому что кто-то больше известен за пределами России, кто-то меньше, кто-то больше известен в самой России, например, как Мамардашвили, кто-то меньше, например, как Петров, потому что просто их известность не выходила за пределы узкого круга людей, причастных к самой философии и философской работе. И широкая публика об их существовании не знала. Я считаю, что это уникальный материал для любого, кто интересуется творчеством этих мыслителей, а также для научных и университетских библиотек, потому что фактически нигде больше найти столь полное изложение творческой биографии, материалов, с которыми потом можно потом работать, не существует.

Мы планируем, что этот проект будет продолжен по двум линиям. В рамках первой линии мы хотели бы издать несколько томов анализа проблемного поля философии 60-х годов. Сейчас идет дискуссия о том, какие точки нужно выделить для того, чтобы начинать рефлексию этого материала. И мы планируем вернуться к аналогичной работе касательно русских философов первой половины XX века. И сейчас до конца года мы рассчитываем, что будет утвержден исходный перечень тех мыслителей, тех фигур, которые войдут в список томов, которые будут готовиться. При этом мы хорошо понимаем, что работа по истории философии первой половины будет гораздо более трудной именно в силу тех причин, которые я изложил, в том числе и потому, что многие архивы находятся за пределами России. Многие архивы потеряны, утрачены материалы и документы. Первичный перечень составляет 50 фамилий, среди них много фигур, которых тоже довольно плохо знают люди, помимо той плеяды, которая была активна. Вторая половина XX века — человек 20.

Меня часто спрашивают, почему фонд

Георгия Петровича занялся этим проектом? На это я всегда говорю, что с моей точки зрения творчество любого мыслителя контекстуально, есть всегда какой-то реальный или внутренний диалог, какая-то дискуссия, которую он ведет со своими товарищами. Трудно сегодня понимать основные идеи содержательно-генетической логики, ведь была еще диалектическая логика, были работы Немкова, были работы Зиновьева. И основные тезисы рождались в этом контексте, поэтому, не восстановив контекст, невозможно полноценно восстановить рамки мышления и логику тех контрапунктов, которые делал, например, Георгий Петрович. Поскольку до последнего времени мы оставались в общем фонде одного автора, то этот проект как раз разрывает эту ограниченность и вписывает работу Георгия Петровича также и в эту серию, в текущий контекст. И я считаю, что сопоставительный анализ его работ и работ других мыслителей того периода позволяет более объемно увидеть, почему и как развивалась мысль самого Георгия Петровича.

И последний момент, который стоит отметить, заключается в том, что двадцать лет прошло с момента распада Советского Союза и краха той системы, внутри которой выросли и жили эти люди. Этот период принес очень много интерпретаций, которые касались того, что якобы в эти годы доминировал вульгарный материализм, вульгарная трактовка марксизма. Никакой свободной мысли и вообще никаких размышлений не было, и вот сейчас все нужно начинать сначала, нужно начинать, опираясь на зарубежных философов, переводы и публикации которых активно велись в эти последние годы. В противоположность этой позиции мы исходим из того, что философия в России была. У нас был достаточно большой круг оригинальных мыслителей, которые свои работы и свои исследования вели вполне в контексте общей мировой философской гуманитарной мысли, где-то даже опережая этот мейнстрим, где-то задавая тематизмы, которые были подхвачены в том числе и их западными коллегами. И поэтому в некотором смысле это такая дань реальной истории, восстановление того, что было. Поэтому я думаю, что познакомиться как минимум со списком этих книг и оглавлений, в общем, для всех полезно.

Дмитрий Мацнев: Речь идет о философе Георгии Петровиче Щедровицком, авторе, создателе целой школы философского направления под названием «система мыследеятельностной методологии». В чем идея системы

мыследеятельности? Она мыслится как предельная онтология, в которой есть все, в которой можно уместить весь мир, человека с его мышлением, природу?

Петр Щедровицкий: Давайте на этот вопрос отвечать по частям или некоторыми слоями или уровнями. Прежде всего, наверное, определенной трактовки, конкретизации требует термин *онтология*, *картина мира*. Безусловно, онтология, онтологическая работа или онтологический вопрос, это более правильно, есть чрезвычайно важный, может быть, ключевой раздел философского мышления. Вопрос о том, как устроен мир, в котором мы живем или в чуть-чуть другой постановке: что требует от нас тот мир, в котором мы живем? Вопрос, который очень сильно интересовал всех тех, кто поднимался в своем мышлении, в своей вопрошаемости до принципиально базовых вопросов. Термин, как известно, появился достаточно поздно, появился в XVII веке, появился в немецкой традиции учеников Христиана Вольфа, а до этого существуют определенные основания говорить, что очень сильный интерес к этой теме был подхлестнут протестантской революцией и протестантизмом. Собственно, их дискуссия с католической церковью этот вопрос актуализировала. Именно витальность той дискуссии, которая шла в религиозном контексте, вывела сам этот вопрос за пределы чисто философской работы, то есть зачеркнула возможность онтологический вопрос сводить к тем или иным метафизическим полаганиям, указала на то, что ответ на онтологический вопрос, то есть та или иная онтология всегда имеет отношение не только к области нашей мысли, но и к сфере нашего самоопределения, в том числе жизненно-самоопределения. Достаточно долгое время в этот постметафизический период онтология часто трактовалась, рассматривалась как первый раздел философии, как первая философия.

Если смотреть на эту проблематику с высоты птичьего полета, то человеческое мышление знает не так много о базовых онтологиях, некоторые говорят, что их всего четыре. Была онтология космоса, была онтология Бога, была онтология природы, хотя очень часто ее рассматривают как переходный онтологический посыл, совокупность онтологических аксиом, которые возникли в момент кризиса теологической картины мира и ревитализировали определенный тематики космологии в новом контексте. Наверное, можно сказать, что была онтология истории тоже как самостоятельная сфера. И была онтология деятельности, онтология, ко-

торая стала формироваться внутри философии после Канта.

С этой точки зрения можно сказать, что Георгий Петрович Щедровицкий был одним из адептов и одним из активных участников формирования онтологической картины деятельности, мышления и деятельности, продолжая в этом плане определенные линии размышления немецкой классической философии и вообще в целом европейской философии XIX, XX века.

Отдельный вопрос о том, а почему собственно немецкая классика породила основные принципы, постулаты этой новой онтологии? У меня есть своя гипотеза ответа на этот вопрос, она достаточно банальна и состоит в том, что этих людей, прежде всего, интересовала проблематика человеческой свободы, свободы от того давления обстоятельств природного окружения, в котором они жили. Потому что совершенно понятно, что достаточно длительное время до начала научно-технической революции человек был очень зависим от природного окружения, он жил по его правилам. У него не было тех сил, тех ресурсов, которые позволили бы ему преодолеть те ограничения, которые давала окружающая его природа. Он вынужден был подстраиваться под нее. И те катаклизмы, которые возникали, они, в общем, каждый раз показывали, что человек бессилен и мало что может противопоставить тем энергиям, которые несло природное окружение. Естественно, людей достаточно долго интересовал вопрос о том, насколько человек свободен в социальном контексте. Потому что, в конце концов, человеческая история во многом это история принуждения, рабства и зависимости, которые накладывают на любого конкретного человека та социальная группа или тот социальный контекст, в котором он находится. Поэтому можно сказать, что часть немецких размышлений конца XVIII, начала XIX века — известные работы Фихте, его известные лекции, их основные черты современной эпохи прочитанной в 1802-м, 1804 году были рефлексией французской буржуазной революции. В общем, людей интересовал вопрос о том, насколько человек может быть свободен, насколько возможна личность, личностное начало, что делает человека свободным, и не происходит ли так, что попытки переделать окружающее его социальное пространство приводят к еще большему социальному закреплению, и как он является часто игрушкой природы, он оказывается игрушкой социальных сил или своих страстей?

И отвечая на этот вопрос, Иммануил Кант довольно много размышлял над проблемой

собственности. Немцы в этот период достаточно хорошо понимали, что подлинная собственность и подлинная свобода возможны только там, где человек овладевает своими собственными внутренними ресурсами и возможностями. Не случайно Кант говорил, что подлинным пространством человеческой свободы является только культура, а инструментом, с помощью которого он овладевает самим собой, становится собственником самого себя и преодолевает те ограничения, которые на него накладывает окружающая среда, вот этим инструментом является мышление.

Поэтому, если хотите, сама идея Мышления, с большой буквы, была выведена на кончике пера как название для совокупности тех возможностей, тех специфических инструментов, с помощью которых человек может сделать себя свободным. И отсюда совершенно определенное развитие педагогики, которая ставила перед собой задачу сформировать это мышление в растущем человеке — ребенке. Отсюда совершенно специфическое предположение о том, что только социальная группа, владеющая этим мышлением, может быть инстанцией, которая будет выстраивать более справедливое общество — известная линия, связанная с ролью интеллигенции у Шеллинга и позже у такого мыслителя, как Карл Мангейм. И это было в определенном смысле превознесением возможностей мышления посредством этической и некоторой футурологической нагрузки, которые придавали ему мыслители, философы XIX и XX века, одновременно и создавая мышление, потому что нельзя сказать, что мышление исконно присуще человеку, оно, скорее всего, является результатом специальной работы, специального формирования выращивания на основе каких-то интеллектуальных ресурсов, которые у человека есть от природы.

Эта установка собственно и породила длительный, двухсотлетний, по крайней мере, период от той онтологической революции, которая привела к смещению акцентов в философской онтологии с природы истории на мышление деятельности. Тот факт, что мышление и деятельность связаны друг с другом и являются двумя сторонами одной и той же медали, это не только идея Георгия Петровича. Сам термин мыследеятельность во многом отражает немецкоязычную ориентацию его образования. Немцы любят складывать слова из других слов, образуя длинные конstellации и новые термины за счет такого сложения. Поэтому само это единство мышления и деятельности есть фактически одно и то же слово, просто взятое с раз-

ных сторон. Идея о том, что деятельность — это мыслительная составляющая организованного поведения, достаточно давняя. Нельзя сказать, что это выдумал Георгий Петрович, он просто нашел некую терминологическую формулу для тех интуиций, которые очень часто можно встретить в различных философских работах XIX и XX века. При этом надо сказать, что и сам Георгий Петрович, если возвращаться к тому, что я говорил в первой части, как и многие философы России, Советского Союза 60-х годов XX века, был предельно внимательным к проблеме свободы. Потому что в стране, пережившей за очень короткий период две революции, две мировых войны, сталинские репрессии и эксцессы развитого социализма, нельзя было не интересоваться тем, как и почему человек может противостоять всему этому и сохранять самого себя, сохранять свое личностное начало. И поэтому я не побоюсь сказать, что это была реакция на те социальные катаклизмы, которые характеризовали именно Россию именно в этот период.

И в этом плане, если перекидывать мостик к мыслителям первой половины века, если вы будете читать социологию Питирима Сорокина, который рефлектирует касательно революции, то вы поймете, почему Питирим Сорокин оказал огромное влияние на всю мировую социологию. И вообще вся американская социология — это его ученики. А если вы будете читать Кожевникова, он тот же Александр Кожев, который, попав в Париж и читая лекции о Гегеле, вырастил плеяду французских националистов, которые шли на его лекции. Почему? Потому что для них опыт французской буржуазной революции далеко в прошлом, а для него это была реальность жизни, которую он рефлектировал и делал выводы, немислимые, непосильные, неподъемные для тех, у кого аналогичного опыта не было. И это происходило до Второй мировой войны, до той актуализации этой проблематики, которая потом произошла и для европейского мышления. Безусловно, если теперь двигаться внутрь, то существует догматическая версия деятельностной картины мира. Она заключается в том, что существует только деятельность или мыследеятельность и ее организованность. Этой организованностью может быть как этот стол, созданный руками человека, так и сам человек, созданный машиной образования, воспитания, подготовки и его социальным окружением. Так, организованность — это огромные технические системы, скажем, этот аэропорт или как атомная станция или как современная нефтеналивная платформа, которая является продуктом научного, инженерного

труда. Существуют более мягкие версии, которые допускают существование других онтологических начал, допускают существование Бога и строят богочеловеческую картину мира, при этом по-разному позиционируя мышление и деятельность относительно традиционных представлений физической картины мира. Существует деятельностно-природное мышление, которое пытается увязать исторически развивающееся отношение человека и человечества с природой и космосом, вписать его в этот природный космологический контекст и вывести из этого целый ряд взаимных требований, рассматривая при этом и самого человека тоже как деятельностно-природное образование. Потому что никто еще не избавил нас от тела и телесности с его специфическими процессами.

Поэтому можно сказать, что есть такая мыследеятельностная догматика, есть довольно широкий ряд кентаврологии, которая активно развивалась и развивается в современной философии. Мне трудно сейчас говорить о том, к чему в большей или меньшей степени стремился сам Георгий Петрович. Он был достаточно мудрый и тонкий мыслитель, он достаточно адекватно реагировал на определенные внешние контексты. Он не был догматиком в традиционном понимании этого слова, тем более что он не был эпигоном, он сам создавал свою картину мира. У автора есть всегда определенная возможность что-то подправить. Хуже, конечно, с определенными группами последователей Георгия Петровича, которые, в отличие от него, не обладают соответствующей красотой кругозора и вынуждены в силу этого скатываться на более догматическую точку зрения.

Я всегда привожу в качестве примера опыт Штейнера и штейнерианцев. Штейнер прошел несколько периодов своего творчества, его обращение к педагогике известно достаточно хорошо, потому что есть огромная педагогическая школа. Известно, что в последние годы он живо интересовался эзотерическими учениями, в том числе индийской философией, многое заимствовал оттуда. Если вы вдумаетесь, то судьба его философского наследия очень странна. Есть большая группа его последователей и учеников. Они очень сильно защищают его наследие от окружающего мира, они жестко проводят разграничительную линию между подлинным Штейнером, подлинными штейнерианцами и всеми остальными. И в силу этого загоняют Штейнера в гетто. Я очень боюсь, что некоторые последователи Георгия Петровича будут делать то же самое.

Если вы посмотрите хотя бы его библиографию, то увидите, что он многое писал на разные темы и был очень разносторонним человеком. Он в разные периоды был разным, в общем, как все нормально развивающиеся люди, открытые к вызовам мира. А вот эти последователи, они копируют его творчество, его идеи, не давая возможность выстроить открытую коммуникацию между другими школами и направлениями. Поэтому одна из задач, которую я ставлю по отношению к творчеству Георгия Петровича, это задача раскрытия, возобновления некоторого диалога с другими школами и направлениями.

Восстановление определенных параллелей — это указание на то, что идеи не только продолжают мировую философскую мысль и отвечают на общие философские проблемы, но и впрямую сопоставляются, имея аналоги в других философских школах и направлениях. Здесь очень важно выдерживать этот адекватный контекст сравнений и сопоставлений, потому что иначе есть опасность капсулироваться, окуклиться и в силу этого потерять потенциал для развития.

Сергей Мазур: Не хотелось бы сравнивать Георгия Петровича с теми людьми, которые связаны с теософией или антропософией. Недавно у нас в Риге с лекцией выступал автор книги о Е. Блаватской индолог Александр Сенкевич, красочно изобразивший авантюризм последователей теософского движения...

Петр Щедровицкий: Вы не читали Штейнера или очень давно его читали и наверняка очень поздние работы. Вы говорите как раз о социальных последствиях плохой линии работы его учеников, которые, как мне кажется, больше для самообоснования, для утешения своего какого-то внутреннего «я» делают его философию закрытой и эзотеричной. Они превращают его в то, чем для большинства сегодня являются его работы. Обратите внимание, это очень часто происходит с мыслителями, у которых достаточно мощные школы, потому что с одной стороны мы должны сказать, что Георгий Петрович один из немногих в российской философии XX века, кто после себя оставил школу. Потому что вы спросите, а где школа Мамардашвили? Или где школа Петрова? Вы выясните, что этих школ нет. А школа Георгия Петровича есть. И это положительный момент. Но школа, которая превращается в секту, это плохая школа. Вот, собственно мысль, которую я хочу донести.

Сергей Мазур: Мне всегда казалось, что главная проблема — это проблема признания русской философии и наследия Георгия Петровича западными университетами.

Петр Щедровицкий: Это как раз одна из целей того проекта, о котором я рассказывал вначале. Во-первых, экспонировать, что это было. Второе, показать, что было, а дальше проделать довольно большую работу, грубо говоря, по восстановлению этих имен не только в российском, но и в мировом контексте. Потому что сегодня, если зайти в какой-нибудь стране мира в магазин философской литературы, вы не встретите там российских философских книг, кроме двух-трех. Если вы возьмете немецкий философский словарь, то вы не найдете там ни одной фамилии русского философа, ни первой половины, ни второй половины XX века. Хотя большинство профессионалов, конечно, знает многие фамилии и даже пользуется идеями и материалами этих философов. Да, это одна из целей проекта, о которых я говорил. Не в том духе, когда восстанавливают историческую справедливость, хотя это тоже полезно, а чтобы дать возможность людям иметь доступ к этим материалам, если они хотят понять, что там было, и прочитать это, и познакомиться. Потому что сегодня такой возможности нет. Поэтому мы, безусловно, будем делать определенную привязку на том или ином языке. Мы будем продвигать эти материалы в словари, в обзоры разные.

Дмитрий Мацнев: Возвращаясь к идее онтологии, в частности онтологии мыследеятельности... Я бы высказал другую версию о возникновении идеи онтологии примерно двести лет назад. Она состоит в том, что идея онтологии связана с необходимостью коммуницировать, налаживать коммуникацию и осваивать другое. То есть к этому времени европейская цивилизация в принципе колонизировала весь мир, освоила весь мир, она утвердила свое доминирующее положение во всем мире. Но для того, чтобы работать с разными культурами, с разными большими регионами освоенного мира, необходимо было понять, что они ведут себя не так, у них другая онтология. Это технический термин, это термин из области организации глобального освоения мира и работа с разными кусками большого, разного мира.

Если вернуться к распаду Советского Союза... На мой взгляд, основная причина распада и состояла в том, что центральная власть не смогла с разными регионами этой большой им-

перии работать по-разному. Она работала примерно универсально как с Дальним Востоком, так и с Прибалтикой. Примерно действовали одни и те же методы управления и руководства. Но без понимания, что для Средней Азии надо работать одним образом, это одна онтология, если хотите, в рабочем таком смысле, а с Прибалтикой нужно работать совсем по-другому, а с Дальним Востоком совсем по-третьему. Я все это говорю к тому, что есть эта линия, понятие онтологии. А потом и онтология мыследеятельности связана с необходимостью сначала выстраивать свои отношения с чем-то другим, но с претензией потом это другое как-то освоить и включить в свою деятельность, в сферу своего влияния и так далее. Вот такой срез, как тебе кажется?

Петр Щедровицкий: Мне трудно сейчас как-то реагировать. Опять же если чисто исторически, историографически на это смотреть, считается, что впервые в такой явной форме этот термин употребил Карл Линнеус в 1647 году, поэтому это точно не 200 лет назад. Опять же существует определенная литература, которая позволяет допустить, что внутри протестантской философской мысли порядка 60-70 лет до этого шло выращивание понимания и трактовки этого термина. А какие дополнительные акценты, вызовы, какие дополнительные исторические обстоятельства способствовали тому, что этот термин укрепился, занял серьезное место как внутри самой философии, так и в целом в системе категорий современного европейского мышления, эта тема важная, ее можно дальше продолжать. А то, о чем ты говорил, можно рассматривать как один из важных моментов.

Дмитрий Мацнев: Я думаю, что онтология мыследеятельности имеет другую сторону...

Петр Щедровицкий: Я обычно говорю о том, что если пытаться определить термин онтологии в одной фразе, то это рефлектирующая себя метафизика. А вот чем была обусловлена необходимость градуса этой рефлексии, еще раз повторю, может быть теми обстоятельствами, о которых говоришь ты. Я не хочу здесь спорить, противопоставлять одну линию развития этого термина, этого понятия другой. Я вообще исхожу из того, что история любого интеллектуального образования, любого понятия, любой категории это всегда полигенез. Нет никакой одной линии, всегда накручиваются очень разные моменты, взаимовлияния и тому подобное. Важна критика такого наивного метафизического метаполагания, критика догматики в раз-

личных формах, критика, как говорил Георгий Петрович, натуралистической картины мира, в которой отсутствует собственно инстанция полагания, неважно, это человек или социальная группа или еще что-то. И поэтому, с моей точки зрения, я поддерживаю то, что ты сказал. Сам факт разделения церковью вызвал к жизни необходимость онтологической работы, но в какой мере содержание онтологии, подчеркиваю, не сама онтология как определенный формат упаковки содержания, а именно содержание той или иной конкретной онтологии диктуется этими обстоятельствами, неважно, глобализацией или падением империи, я бы не взялся говорить. Необходимость рефлексии, отказа от наивной метафизики, безусловно, возникает в тот момент, когда появляется некоторая дискуссия, некоторое противоречие, критика, неважно — это разные конфессии, разные этносы, разные школы внутри науки или философии и прочее. Другое дело, что такая специфика онтологического вопроса, она приводит очень часто к дроблению самой онтологии. Гуссерль говорил, что появляются так называемые региональные онтологии, онтологии второго порядка, онтологии, которые не ставят перед собой вопроса, как устроен мир вообще. Они ставят вопрос, как устроен этот регион мира и, извините за выра-

жение, не сильно «парятся» о том, в какой мере устройство данного региона мира связано с устройством других регионов или с устройством мира вообще. Здесь есть определенная опасность. Когда Сергей Валентинович Попов 20 лет тому назад начал говорить о множественности онтологии, о плюрализме онтологическом и прочее, Георгий Петрович среагировал довольно жестко. На одном из методологических съездов в Киеве на такое выступление Сергея Валентиновича он сказал: единство картины мира, единство онтологии европейским мышлением было куплено очень дорогой ценой. Грубо — нечего выпендриваться вашим плюрализмом. Поэтому, да, конечно, как писал Лев Семенович Выготский, плюралистом можно быть в предисловии, а в самой работе приходится быть догматиком. Так и тут. Когда мы сидим тут и разговариваем, я, конечно, могу сказать: да, есть много разных онтологий, а когда дело доходит до действий, а за действие приходится платить жизнью — у вас либо есть онтология, либо нет онтологии. А тезис о том, что онтологий может быть много, вас никуда не продвигает и ни от чего не спасает.